

Виктор
ТРОСТНИКОВ

ТРАКТАТ О ЛЮБВИ

ДУХОВНЫЕ
ТАИНСТВА

«ГРИФОН»

Виктор Николаевич Тростников

Трактат о любви. Духовные таинства

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12055465

*Трактат о любви. Духовные таинства. / Тростников В.Н.: Грифон; Москва; 2007
ISBN 978-5-98862-035-07*

Аннотация

Цель «Трактата о любви» В.Н. Тростникова – разобраться в значении одного-единственного, но часто употребляемого нами слова «любовь». Неужели этому надо посвящать целое исследование? Да, получается так, потому что слово-то одно, а значений у него много. Путь истинной любви обрисован увлекательно, понятно и близко молодому и просвещенному современному читателю, который убедится, что любовь в ее высшем проявлении есть любовь к Богу. Это книга – для всех любящих сердец.

Содержание

От автора	4
От издателя	5
Часть 1	6
Часть 2	10
Часть 3	17
Часть 4	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Виктор Тростников

Трактат о любви. Духовные таинства

От автора

Эта книга для меня дороже любого из других моих текстов, ибо она – плод более чем тридцатилетних размышлений. Еще в семидесятых годах я почувствовал, что, не разгадав сущности любви, я не пойму в этом мире ничего, и, посвятив раздумьям на эту тему несколько лет, решил, что нашел наконец разгадку. Воодушевленный этим, я засел за пишущую машинку и напечатал самиздатовскую рукопись почти в пятьсот страниц «Мысли о любви». В кругу моих знакомых она пользовалась успехом – Владимир Высоцкий, например, сказал, что от неё «в полном восторге». Отрывки из моих «Мыслей» были напечатаны в журнале «Кубань» и ещё где-то, но полностью книга, к счастью, опубликована не была. Почему «к счастью»? По той причине, что положенная в её основу концепция была, как я понял много позже, неправильна. Я повторил ошибку Владимира Соловьёва, считавшего, что экстаз влюблённых имеет божественное происхождение. Это придало моему сочинению резкий антифрейдовский пафос, приведший к тому, что заодно с ложью психоанализа о якобы присущих всем нам «комплексах» я отверг и его верное учение о «сублимации». Находясь все еще в своём соловьёвском заблуждении, я продолжал работать над книгой и сократил её почти вдвое. Эту редакцию согласились опубликовать в издательстве «Паломник» и взяли книгу в производство. Однако архимандрит Тихон посчитал, что такая тема более подходит для издательства Сретенского монастыря, и выкупил рукопись у «Паломника». Над текстом начал работать новый редактор и сделал много замечаний, которые рекомендовал мне учесть. Получив от него текст, испещрённый пометками на полях, я на время отложил его в сторону, так как был тогда занят чем-то срочным. И опять «к счастью», так как именно в этот период я начал осознавать феномен любви по-новому. Я глубоко признателен многим людям, мне помогавшим. Всех их не перечесть, но я не могу не назвать поименно Наталью Сёмину, Петра Проценко и Андрея Шулика, Дарью Ананьеву, Елену Колчанову и трёх моих дочек: Лену, Нину и особенно младшенькую, Лизу, которые вдохновили меня своим существованием. Лизоньке я и хотел вначале посвятить эту книгу, но потом понял, что она должна быть адресована всем любящим сердцам.

Виктор Тростников

От издателя

Умеем ли мы любить? Куда, в какие пространства проложит нам дорогу любовь, если попытаться довести её до логического умственного совершенства?

Новая книга «ТРАКТАТ О ЛЮБВИ. Духовные таинства» современного русского мыслителя Виктора Николаевича Тростникова видится весьма ценной тем, что в очень современной манере рассказывает о соотношениях телесного и духовного понимания любви. Можно сказать, здесь представлена квинтэссенция дискурса о любви, продолжающегося на всём протяжении христианской эпохи. Раньше, в трактовке Платона, любовь приобретала две основные сущности – «страсть» и «самопожертвование» (бескорыстное «агапэ»), обе они имели источником эстетическое чувство. Но, размышляя в контексте христианской этической культуры, важно подчеркнуть, что в своей земной человеческой любви личность по сути остаётся всё-таки равнозначной себе или группе людей, пусть даже в благости. А на дорогах к высшему пониманию любви личность способна приблизиться к познанию Бога. Погружение в воду, как некий пересмотр мира вещного и переход в новое состояние, а именно – крещение, – тоже находит своё место в этой концепции. Хорошо, что в книге Тростникова непростые размышления совсем не страдают сухой богословской «научностью» и не грешат ханжеством в отношении к плотской любви.

Этот путь от земного до небесного обрисован увлекательно, понятно и близко молодому и просвещённому современному читателю, который убедится, что любовь в её высшем проявлении есть любовь к Богу. И коллизии любви земной разрешаются в нашем представлении о Божественной Троице, которая в миру сродни Семье. Именно понимание сокровенной сущности Троицы, которое отличает христианство от ряда других монотеистических религий, и есть главная ценность, которую хранит Православие. Наверно, так любовь переходящая сливается с любовью вечной.

Р. Огинский

Часть 1

Цель предстоящего нам разговора – разобраться в значении одного-единственного, но часто употребляемого нами слова «любовь». Неужели же этому разбору надо посвящать целое исследование? Да, получается так, потому что слово-то одно, а значений много. Мешает ли многозначность нашей речи и письму? Как правило, нет. Услышав или прочитав слово, мы по всей фразе моментально понимаем, какое из его значений имеется в виду.

Но вот с «любовью» дело обстоит хуже. Правда, одно из значений опознаётся быстро. Каждому понятно, что «мой начальник любит лесть» или «моя дочь любит макароны» – это совсем не то, что «Ромео любит Джульетту» или «Господь любит праведных». В английском языке для макарон и вовсе другое слово употребляется – не «love», а «like». Но и взятое в более узком значении русское слово «любовь» – отношение между живыми существами, к которым можно причислить Бога, ангелов, людей и даже некоторых высших животных, например собак, – оставляет в себе несколько разных значений, которые мы сваливаем в кучу. В ней нам и придётся покопаться, раскладывая её содержимое по разным полочкам.

Место, которое занимает слово в нашей жизни, определяется выражаемым этим словом понятием, а различение понятий – дело не столько языкознания, сколько философии, ибо только она способна выявить сущность понятия, то есть его истинный смысл, чтобы по этому скрытому в нём глубинному смыслу его идентифицировать. Так что, взявшись за выполнение своей задачи, нам придётся немного пофилософствовать. И вот первый философский вопрос: отбросив ту любовь, где вместо «он любит» можно сказать «ему нравится», и говоря лишь о чувстве, связывающем между собой одушевлённые субъекты, можем ли мы выделить нечто такое, что присуще всем видам этой любви и является самым общим её признаком?

Посмотрим сначала, как об этом принято думать. В предисловии к изданной в первых годах XX века книге «Любовь в письмах выдающихся людей» известный поэт того времени Фёдор Сологуб писал: «Ни в чём так полно, радостно и светло не выражается душа человека, как в отношениях любви. Когда к человеку приходит любовь, могущественная сила, движущая мирами и сердцами, низводящая небо на землю и землю преображающая в сладостный Эдем, то в душе человека умирает всё случайное и раскрываются лучшие её стороны».

В чём же состоит это лучшее в человеке, дремлющее в обычном состоянии и просыпающееся лишь тогда, когда в сердце вспыхивает любовь? Сологуб отвечает на этот вопрос так: «Тот, кто любит, не только требует, но и отдаёт, не только жаждет наслаждений, но и готов к наивысшим подвигам самоотречения. Зажжённый любовью, он дерзает и на то, что превышает его силы».

Насчёт дерзновения тут всё правильно – всякий влюблённый с удовольствием повторит обещание киногероя: «С неба звёздочку достану и на память подарю». А как с остальным?

Мысль Фёдора Сологуба состоит из двух утверждений: 1) в любви раскрывается высшее человека; 2) это высшее в человеке есть альтруизм, отдавание себя другому, самопожертвование. Оставив в стороне вопрос о том, действительно ли отдавание себя есть проявление самого высокого, что есть в человеке, посмотрим, действительно ли влюблённость уничтожает эгоизм.

Фольклор вроде бы соглашается с этим. Вот песенка столетней давности: «Ваня Таню полюбил, Ваня Тане говорил: «Я тебя люблю, дров тебе куплю». И хотя Таня, как и положено невесте, набивающей себе цену, отвечает: «А дрова-то всё осина, не горят без керосина», всё-таки Ваня готов на материальную жертву, на покупку дров любимой Тане из своего бюджета. Разве это не альтруизм?

Жертвы, приносимые любящими, бывают и посерьёзней. В одном из своих рассказов Мопассан описал следующую жуткую историю. Юноша влюбился в некую девицу и признался ей в своей любви. Она пошутила: «Но ты ведь не бросишься ради меня с крыши?» Он моментально залез на крышу, бросился вниз и разбился насмерть.

Великий русский философ Владимир Соловьёв также отождествлял влюблённость с самопожертвованием. Вот его чеканная формулировка на этот счёт: «Смысл и достоинство любви как чувства состоит в том, что она заставляет нас действительно всем нашим существом признать за другим то безусловное центральное значение, которое, в силу эгоизма, мы ощущаем только в самих себе. Любовь важна не как одно из наших чувств, а как перенесение всего нашего жизненного интереса из себя в другое, как перестановка самого центра нашей личной жизни. Это свойственно всякой любви, но половой любви по преимуществу».

Заметим сразу, что термин «половая любовь» означает для Соловьёва любовь между полами в самом широком смысле, а не то, что мы в наш развращённый век воображаем при этих словах, – не одну только физиологию. Наше одичание достигло за последнее время такой степени, что слово «секс», означающее по-латыни «пол», мы воспринимаем как «совокупление», хотя изначальное разделение человечества на два пола имело гораздо более широкий смысл, чем обеспечение деторождения, которое, как показывают примеры низших животных, вполне может происходить без такого разделения. Это видно из Библии, где сказано: «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их» (Быт. 1, 27). Этот текст нельзя истолковать иначе, как в том смысле, что в самом Божественном начале бытия, по образу которого создан венец Творения, присутствует фундаментальный дуализм, природу которого нам разгадать не дано, но который создаёт в мире некую «разность потенциалов», приводящую бытие в движение. В дальнейшем мы пристальнее взглянем в эту дихотомию и с помощью Священного Писания обнаружим в ней наличие очень глубокого аспекта, совершенно не связанного с продолжением рода. Во времена Соловьёва ещё не было той примитивной трактовки слова «пол», которую навязала нам наша пещерная «массовая культура», поэтому, говоря «половая любовь», он не боялся, что выражение поймут иначе, чем понимает его он сам, – как сумму всех форм взаимного тяготения друг к другу противоположных полов, которые, в силу различия не только анатомического, но и психического, являются друг для друга несколько загадочными и потому интересными, а также необходимыми для обретения полноты в качестве дополнения. Не надо забывать, что перед тем, как создать Еву из ребра Адама, Господь сказал: «Не хорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему» (Быт. 2, 18).

Таким образом, если Владимир Соловьёв прав и приходящая к каждому человеку в свой час влюблённость, которую мы будем называть в дальнейшем также брачной любовью, характеризуется самопожертвованием ради другого, то оно и может быть взято в качестве универсального признака понятия «любовь», так как для других видов любви, не связанных с разделением людей на мужчин и женщин, самопожертвование является ещё более очевидным элементом. «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15, 13), – говорит Спаситель о дружеской и братской любви, так что здесь упомянутый признак, бесспорно, является основным.

В другом месте Иисус говорит: «По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою» (Ин. 13,35). Тут любовь прямо связывается с приобщением к Богу. Но тогда, может быть, приобщение к Нему и взять за главный признак любви? Апостол Иоанн учил, что Бог есть любовь; не добавить ли к этому и обратное утверждение: «Любовь есть Бог»?

Если любовь в самом широком смысле есть отдавание себя другому или другим, то такое утверждение будет верным, ибо бескорыстное самопожертвование не может быть

чисто природным свойством человека. Природой в нас вложено как раз противоположное – инстинкт самосохранения, заставляющий нас быть эгоистами. В самопожертвовании, выражаясь церковным языком, «побеждается естества чин», здесь человек действует против собственной природы. Откуда же может прийти к нему эта противоречащая его жизненному интересу мотивация? Конечно же, только свыше. Отдать за друзей свою душу заставляет человека закон не здешнего, а иного мира, где действует принцип: «Если пшеничное зерно, падши в землю, не умрёт, то останется одно; а если умрёт, то принесёт много плода» (Ин. 12, 24). Ощутить космический масштаб этого принципа и согласиться с тем, что выгоднее исполнять небесный закон, чем земной, можно только с помощью Откровения, а оно ниспосылается Богом. Значит, опять-таки при условии, что половая любовь, в том числе и брачная, есть самопожертвование, общее определение любви становится кратким и простым: «Любовь есть прямое соприкосновение человеческой души с Богом».

Итак, обратимся теперь к влюблённости: действительно ли она от Бога?

Европейская культура Нового времени почти единодушно придерживалась именно этой точки зрения. Художественная литература, поэзия, песни, баллады, романсы, а позже оперы и оперетты дружно воспевали любовь как божественное, святое чувство. Само появившееся в это время слово «обожает», характеризующее чувство влюблённого, подразумевает, что он видит в предмете своей любви Бога. В оперетте «Сильва» герой восклицает, обращаясь к героине: «Ты – божество, ты – мой кумир!» Герцен писал своей невесте: «Теперь я понял: ты, Наташа, и есть Христос!» Ярким выражением этой концепции влюблённости служат и слова Фёдора Сологуба, приведённые выше. Её придерживались не только люди искусства, но и некоторые знаменитые философы, например Паскаль и Шопенгауэр. Согласно этому пониманию, Бог нарочно прячется за влюблёнными, подманивая их этим друг к другу, чтобы они вступили в брак и образовали семью, необходимую для продолжения человеческого рода.

Лев Толстой специально не философствовал на эту тему, но по его произведениям можно предположить, что в ранний период своего творчества он держался относительно любви того же мнения. Оно особенно для нас весомо, так как мало кто в мировой литературе изобразил влюблённость с такой силой и точностью, как он. Вспомним, например, сцену на катке из «Анны Карениной»: «Он прошёл ещё несколько шагов, и перед ним открылся каток, и тотчас же среди всех катающихся он узнал её. Он узнал, что она тут, по радости и страху, охватившим его сердце. Она стояла, разговаривая с дамой, на противоположном конце катка. Ничего, казалось, не было особенного ни в её одежде, ни в её позе, но для Левина так же легко было узнать её в этой толпе, как розан в крапиве. Всё освещалось ею. Она была улыбка, озарявшая всё вокруг. «Неужели я могу сойти туда, на лёд, подойти к ней?» – подумал он. Место, где она была, показалось ему недоступною святыней, и была минута, что он чуть не ушёл: так страшно ему стало».

Как тут не вспомнить поразительно схожую с этой ситуацией, описанную в Библии. Увидев на горе Хорив горящий и не сгорающий куст, Моисей услышал доносившиеся из куста слова: «Не подходи сюда; сними обувь твою с ног твоих; ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая» (Исх. 3, 5).

Сравнивая эти два эпизода, приходишь к выводу, что как Господь явился в образе куста Моисею, так Он явился и Константину Левину в образе Кити Щербацкой. Следовательно, художественными средствами Толстой утверждает то же самое, что Паскаль и Шопенгауэр доказывают философскими рассуждениями. И делает это он не однажды. Вот ещё одно место, на этот раз из «Войны и мира»: «После обеда Наташа, по просьбе князя Андрея, пошла к клавибордам и стала петь. Князь Андрей стоял у окна, разговаривая с дамами, и слушал её. В середине фразы князь Андрей замолчал и почувствовал неожиданно, что к его горлу подступают слёзы, возможности которых он не знал за собой. Он посмотрел на пою-

щую Наташу, и в душе его произошло что-то новое и счастливое. Он был счастлив, и ему вместе с тем было грустно. Ему решительно не о чем было плакать, но он готов был плакать. О чём? О прежней любви? О маленькой княгине? О своих разочарованиях? О своих надеждах на будущее? Да и нет. Главное, о чём ему хотелось плакать, была вдруг живо созданная им страшная противоположность между чем-то бесконечно великим и неопределимым, бывшим в нём, и чем-то узким и телесным, чем он был сам и даже была она. Эта противоположность томила и радовала его во время её пения».

Толстой и здесь не говорит прямо, что за громадная тень померещилась Андрею Болконскому позади Наташи, в которую он в этот самый момент окончательно влюбился, но слова «бесконечно великое и неопределимое» достаточно красноречивы. Бесконечным и неопределённым, то есть непознаваемым, является только один Бог. Вот Он-то, по Толстому, и прятался за Наташей и входил в душу князя Андрея. А находясь близко к Богу, сам начинаешь обожествляться. Чтобы увидеть, как это происходит, снова поглядим на Левина, но уже в то время, когда он получил согласие Кити и ждёт назначенного её родителями часа: «Всю эту ночь и утро Левин жил совершенно бессознательно и чувствовал себя совершенно изъятым из условий материальной жизни. Он не ел целый день, не спал две ночи, провёл несколько часов раздетый на морозе и чувствовал себя не только свежим и здоровым, как никогда, но он чувствовал себя совершенно независимым от тела: он двигался без усилия мышц и чувствовал, что всё может сделать. Он был уверен, что полетел бы вверх или сдвинул бы угол дома, если б это понадобилось».

В состоянии описанного здесь любовного экстаза, видя в любимом существе божество и кумира и сам становясь рядом с ним божественно всесильным и щедрым, человек ни секунды не задумается всё отдать предмету своей любви и даже прыгнуть по его приказу с крыши, как это сделал герой Мопассана. Поэтому, возвращаясь к проблеме отыскания универсального признака, характеризующего понятие «любовь», может показаться вполне логичным остановиться всё-таки на самопожертвовании. Любовь есть преодоление и упразднение нашего эгоизма. Найдутся ли какие-то аргументы против такого определения?

Аргументы против него, к сожалению, есть, и из-за них почти найденная формулировка оказывается никуда не годной, а нам приходится начинать наши поиски с нуля.

Часть 2

Принятое было нами определение рушится по той простой причине, что во влюблённости, которая, хотим мы этого или не хотим, прочнее и неразрывнее всего связана в нашем словоупотреблении со словом «любовь», момент альтруизма, отдавания себя другому является необязательным и, как правило, весьма кратковременным, а чувством, сопровождающим её с первого до последнего момента, чувством постоянным и ни для кого не делающим исключений, как говорят философы – имманентным, является как раз эгоизм.

В первый романтический период влюблённости, когда предмет этого чувства непомерно идеализируется и представляется бесплотным ангелом или даже божеством, далеко не каждый влюблённый думает об овладении своим предметом в физическом смысле – такая мысль часто кажется ему кощунственной, но овладеть его душой, всеми его чувствами, помыслами и желаниями, чтобы сделать его частью собственного «я», хочет каждый с самого начала.

Природный человеческий эгоизм, который воспитание приучает нас скрывать, хотя и не слишком успешно, высвобождается из-под контроля и достигает высшего своего выражения именно в период влюблённости, когда подчинение себе возлюбленного, полное им овладение становится заветной мечтой и смыслом существования. Когда Вронский влюбился в Анну Каренину, он почувствовал, «что все его доселе распушенные и разбросанные силы были собраны в одно и с страшной энергией были направлены к одной блаженной цели». Конечно, ни в чём другом Вронский не нашёл бы блаженства, как только в «победе» над Анной – выражение, которое означает успех в любви на всех языках. Но победа есть покорение, захват. А чтобы одержать её, нужна правильная стратегия, описанная Овидием в «Науке любви» и блестяще освоенная Евгением Онегиным.

*Как рано мог он лицемерить,
Таить надежду, ревновать,
Разуверять, заставить верить,
Казаться мрачным, изнывать,
Являться гордым и послушным,
Внимательным иль равнодушным!
Как томно был он молчалив,
Как пламенно красноречив,
В сердечных письмах как небрежен!
Одним дыша, одно любя,
Как он умел забыть себя!
Как взор его был быстр и нежен,
Стыдлив и дерзок, а порой
Блистал послушною слезой!
Как он умел казаться новым,
Шутя невинность изумлять,
Пугать отчаяньем готовым,
Приятной лестью забавлять,
Ловить минуту умиленья,
Невинных лет предубежденья
Умом и страстью побеждать,
Невольной ласки ожидать,
Молить и требовать признанья,*

*Подслушать сердца первый звук,
Преследовать любовь и вдруг
Добиться тайного свиданья...
И после ей наедине
Давать уроки в тишине!*

Думается, ни у кого не возникнет сомнения, что Пушкин, усвоивший стратегию любви на собственном богатом опыте, перечислил основные её приёмы вполне правдиво. Это не сатира, а реализм, такое поведение достаточно типично для пылающих «страстью нежной». А теперь скажите: где же здесь самопожертвование? Здесь нечто прямо противоположное – азартная охота на предмет этой страсти, который сам должен стать жертвой. А если жертва сопротивляется, охота превращается в настоящую войну, которую надо во что бы то ни стало выиграть, то есть одержать ту самую «победу». И это такая война, где не соблюдаются никакие Женевские конвенции, ибо победа должна быть одержана любыми средствами, включая самые аморальные и даже подлые: обман, ложь, притворство и тому подобное. Как же мог такой чуткий к понятиям человек, как Владимир Соловьёв, усмотреть в этом неблагородном поведении «перенесение всего жизненного интереса с себя на другого»? Тут, наоборот, всё подчинено собственному интересу; самоутверждающееся «я» пытается раздуться, как лягушка из басни, путём поглощения другого «я» и включения его в свой состав. И тут ведь не отговоришься тем, что это, дескать, не любовь, – по нормам человеческого языка, которые не нами придуманы, не нам их и отменять, влюблённость есть то состояние, которое прежде всего именуется любовью. И по своему личному опыту, и по наблюдениям за другими все прекрасно знают, как тираничны бывают влюблённые, какие повышенные требования предъявляют они к своим возлюбленным, как им всего от них мало; но стоит только начаться разговору о брачной любви в теоретическом плане, будто под действием гипноза люди начинают вторить Соловьёву: «Любовь – это преодоление эгоизма». В чём тут дело?

Здесь действительно срабатывает массовый гипноз такой силы, что ему почти невозможно противостоять, гипноз общепринятой идеологии. Это – повреждение общественного сознания, которое автоматически передаётся личным сознаниям. Где-то с XV века, когда в Европе началась апостасия – процесс отпадения человека от Бога, когда на место прежней картины мира, в центре которой помещался Бог, начала исподволь готовиться новая, с человеком в центре, – всё чаще и всё громче в литературе и искусстве стали воспевать влюблённость как высшее божественное чувство, и это воспевание в конце концов превратилось в культ брачной любви. По апостасийной логике это было абсолютно закономерно, ибо культ Христа, которым жили европейцы пятнадцать веков, не соответствовал уже новому мировоззрению и ему надо было найти замену. Ничего более подходящего, чем то возбуждение, которое было у Левина на катке и бывает у всех влюблённых в первые дни, не нашлось, и его сделали предметом культа. О том, что оно быстро проходит, намеренно забыли. Это привело к тому, что романы и повести о человеческих судьбах завершались вступлением преодолевающих все препятствия героев в брак, ибо дальше любовная эйфория, заставлявшая их сдвигать горы, кончалась, и писать было не о чем. Не одно столетие просуществовала эта «усечённая» литература, вырывающая из всей судьбы человека очень кратковременный период, в котором усматривалось нечто возвышенное, и это возвышенное становилось предметом обожествления. А поскольку два разных типа сакральности не могут ужиться в обществе, прежняя сакральность, источником которой был Христос, начала отходить на задний план, что и требовалось Новому времени.

Сакрализация любовных восторгов имела, таким образом, серьёзное историческое значение, выполняя роль смазки, облегчающей движение социума по пути «прогресса». Для прямого отказа от Бога людям надо было ещё созреть, а чтобы они быстрее созрели,

высокие чувства, раньше адресуемые Богу, стали переадресовываться тому таинственному, огромному призраку, которого Андрей Болконский своей чуткой душой почувствовал позади Наташи, когда в нём вспыхнула любовь. Но, выполняя «социальный заказ», обожествление влюблённости производило и побочный психологический эффект, приучая людей к мысли, что в любви не может быть ничего неблагородного: ведь она, как выразился Фёдор Сологуб, «низводит небо на землю». В итоге даже гнусное поведение таких ловеласов, как Онегин, перестало осуждаться. Любовь стала оправдывать в глазах публики всё, включая супружескую измену и измену государственному долгу (отречение великого князя Константина Павловича от престола из-за женитьбы на Лович, подхлестнувшее восстание декабристов, было прощено ему сентиментальным обществом). Как же устоять перед зовом любви – ведь в ней человек обретает величайшее, неземное блаженство!

Общепринятое отождествление любовной эйфории со счастьем убедительно доказывает, что идеология действительно обладает удивительной способностью массового гипноза. Другое доказательство этого – дарвинизм. Делая какие-то невидимые пассы, он внушает нам, что человек произошёл от обезьяны, хотя это утверждение совершенно абсурдно. Оно противоречит и фактам, и логике: отсутствует промежуточное звено, и геном обезьяны меньше похож на человеческий, чем геном водяной лилии; но, даже зная об этом, мы продолжаем считать обезьяну нашим предком, будто нас кто-то зомбировал. И то же самое с влюблённостью: видя, сколько горя она подчас причиняет тому, кто не сумел от неё уберечься, как из-за неё происходят убийства и самоубийства, мы упорно повторяем подсказанные нам кем-то слова: «В любви человеку даётся высшее счастье».

Как ни прочны идеологемы, против тех из них, которые ложны, надо возражать. Попытаемся же развеять устойчивый миф о блаженстве, доставляемом любовным экстазом.

В юности, начитавшись любовных романов, я сам был убеждён, что «нежная страсть» принесёт мне счастье, и с волнением ждал её прихода. И вдруг получил такое отрезвляющее свидетельство, не верить которому было нельзя.

Мне было лет пятнадцать. Я ехал из Москвы в Орёл без билета и на станции Скуратово был высажен ревизором. На платформе стояла скамейка, я сел на неё и стал ждать следующего поезда, чтобы продолжить своё незаконное передвижение по железной дороге. Но прежде моего пришёл другой поезд, на Москву. Из него тоже высадили «зайца» – молодого человека лет двадцати пяти, который, конечно, казался мне совсем взрослым. Он сел возле меня, выкурил пару папирос, а потом заговорил со мной. Видно было, что ему необходимо излить душу. Не помню, с чего он начал, но на всю жизнь запомнил фразу: «Ты ещё молод и этого не понимаешь, а когда вырастешь, поймёшь: любовь хуже всякой холеры». И по его нервному тону, и по глазам загнанного оленя мне было очевидно, что он действительно болен, что ему очень плохо. Да, тогда я не понимал той истины, которую он мне возвестил, но, когда вырос, много раз убедился, как он и предсказывал, что это истина.

«Мужик умён, а мир дурак», – гласит народная пословица. Это так. Каждый из нас чувствует верность поговорки «любовь зла» и, если у него есть семнадцатилетняя дочь, никогда не пожелает ей влюбиться без памяти, а скажет: «Избави нас Бог от этого несчастья». Но, отойдя от житейской реальности и начиная рассуждать по подсказке романтической литературы, то есть идеологической надстройки апостасийного общества, человек действительно становится дураком и верит явной нелепости, будто влюблённость отверзает нам небо.

Тут есть ещё одна параллель с дарвинизмом. Все самые крупные биологи – Агассис, Бэр, Дриш, Вирхов, Берг, Мейен – отвергали это учение, находя в нём несообразности. Зато биологи меньшего масштаба дружно его приняли, и чем их масштаб был мельче, тем больше энтузиазма они высказывали в отношении эволюционной теории. Точно так же самые значительные художественные писатели, истинные душеведы, гениально чувствовавшие внутренний мир человека, единодушно видели в любви главным образом сердеч-

ную муку; для них она была прежде всего страданием. «Страдания молодого Вертера» Гёте, «Жизнь» и «Монт-Ориоль» Мопассана, «Любовь Свана» Марселя Пруста, «Анна Каренина» Толстого ясно показывают нам неразрывность влюблённости и страдания. А вот авторы рангом пониже, прикрывающие свою бездарность ложной романтикой, хором воспевают влюблённость, как врата в рай. И мы верим мелюзге, а не великим. Впрочем, простой народ не верит, он солидарен с Мопассаном и Прустом: куплеты о любви именуются у него «страданиями» (например, знаменитые «Саратовские страдания»).

Причиной любовных мук и терзаний является ревность. Этот страшный и беспощадный зверь почти с первых дней прилепляется к влюблённости и не покидает душу до тех пор, пока не кончится сама влюблённость, отцепляясь тогда, как клещ от умершей собаки. Недаром говорится: «Не ревнует, значит, не любит». И как только ревность входит в человека, его судьба начинает зависеть от того, кончится ли его любовь раньше того, чем ревность заставит его убить либо того, кого он ревнует, либо того, к кому ревнует, либо самого себя.

По поводу распространённого в народе отождествления любви и ревности приведём одно место из повести Бунина «Митина любовь».

«Раз Катя, полушутя, сказала ему в присутствии матери:

– Вы, Митя, вообще рассуждаете о женщинах по Домострою. Из вас выйдет совершенный Отелло. Вот уж никогда бы не влюбилась в вас и не пошла за вас замуж!

Мать возразила:

– А я не представляю себе любви без ревности. Кто не ревнует, по-моему, не любит.

– Нет, мама, – сказала Катя со своей постоянной склонностью повторять чужие слова, – ревность – это неуважение к тому, кого любишь. Значит, меня не любят, если мне не верят, – сказала она, нарочно не глядя на Митю.

– А по-моему, – возразила мать, – ревность и есть любовь. Я даже где-то это читала. Там это было очень хорошо доказано и даже с примерами из Библии, где Сам Бог называется ревнителем и мстителем».

У Анны Карениной страсть к Вронскому затянулась, и ревность успела сделать своё чёрное дело. Этот случай особенно показателен. Ведь отчего Анна бросилась под поезд? Исключительно из-за ревности, которая не имела никакой причины, кроме самой этой страсти. Вронский обожал Анну, даже покушался из-за неё на самоубийство; он ни разу ей не изменил и не собирался изменять, он предлагал ей жить, где она хочет – хоть за границей, хоть в имении. Он относился к ней как к жене, а не любовнице, у них была общая дочь. Но что бы он ни говорил и ни делал, ничто не уменьшало её ревности, ибо её ревность сидела в её любви, а точнее, и была её любовью. Конечно, сама она оправдывала свою ревность будто бы объективными причинами, но посмотрите, какой субъективной была эта объективность.

«Для неё он, со всеми его привычками, мыслями, желаниями, со всем его душевным и физическим складом, был одно – любовь к женщинам, и эта любовь, которая, по её чувству, должна была быть вся сосредоточена на ней одной, любовь эта уменьшалась; следовательно, по её рассуждению, он должен был часть любви перенести на других или на другую женщину, – и она ревновала. Она ревновала его не к какой-нибудь женщине, а к уменьшению его любви. Не имея ещё предмета для ревности, она отыскивала его. По малейшему намёку она переносила свою ревность с одного предмета на другой. То она ревновала его к тем грубым женщинам, с которыми благодаря своим холостым связям он так легко мог войти в сношения; то она ревновала его к светским женщинам, с которыми он мог встречаться; то она ревновала его к воображаемой девушке, на которой он хотел, разорвав с ней связь, жениться. И эта последняя ревность более всего мучила её, в особенности потому, что он сам неосторожно в откровенную минуту сказал ей, что его мать так мало понимает его, что позволила себе уговаривать его жениться на княжне Сорокиной».

Здесь Толстой гениально обобщает самое устойчивое переживание всех ревнивцев, доставляющее им адские муки, которое состоит в мысли, что предмет влюблённости не целиком принадлежит влюблённому. «Он должен весь быть моим, и больше ничьим!» И это «упразднение эгоизма любовью», как выразился Владимир Соловьёв? О нет, это превращение влюблённого в чудовищного эгоиста, отнимающего у предмета своей любви право иметь собственные интересы и хоть какую-то свободу. И это происходит всегда. Все бесконечные препирательства, всё это нескончаемое и не приносящее никому победы соревнование в иронии, все шпильки и подковырки, без которых просто невозможно представить общение друг с другом влюблённых, суть выход наружу гнездящегося в глубине души каждого из них эгоизма. У Анны Карениной эгоизм с каждым днём разрастался и наконец достиг такого масштаба, что она сама стала осознавать его в себе. Направляясь в коляске к той железнодорожной станции, на которой вспыхнула последней вспышкой и погасла свеча её жизни, Анна думала о себе: «Моя любовь всё делается страстнее и себялюбивее, а его всё гаснет и гаснет, и вот отчего мы расходимся, — продолжала она думать. — И помочь этому нельзя. У меня всё в нём одном, и я требую, чтоб он весь больше и больше отдавался мне. А он всё больше и больше хочет от меня уйти. Мы именно шли навстречу до связи, а потом неудержимо расходимся в разные стороны. И изменить этого нельзя. Он говорит мне, что я бессмысленно ревнива, и я говорю себе, что я бессмысленно ревнива; но это неправда. Я не ревнива, я недовольна».

Вот это слово «недовольна», точно найденное Анной в последний день земного существования, раскрывает нам подлинную природу ревности, а значит, и влюблённости, от которой неотделима ревность. «Недовольна» во времена Толстого означало не столько «раздражена», сколько «мне этого недовольно, недостаточно». Никакой уступки, никакой жертвы со стороны возлюбленного недостаточно влюблённому — ему нужен он весь, всё его «я», которое не должно быть самостоятельным. А поскольку полностью отдать своё «я» другому и ничем в себе не распорядиться не может никто, ревность в брачной любви неизбежна.

Другой персонаж Толстого, Василий Позднышев из «Крейцеровой сонаты», был доведён ревностью до убийства не себя, а своей жены. Суд оправдал его, посчитав, что он защищал честь семьи, но не забота о какой-либо «чести» толкнула его на отчаянный поступок, а тот зверь, который однажды зашевелился в нём и начал грызть его внутренности. Вот его самоотчёт:

«Этот восьмичасовой переезд в вагоне был для меня что-то ужасное, чего я не забуду во всей жизни. С тех пор, как я сел в вагон, я уже не мог владеть своим воображением, и оно не переставая, с необычайной яркостью, начало рисовать мне разжигающие мою ревность картины, одну за другой и одну циничнее другой, и всё о том же, о том, что происходит там, без меня, как она изменяла мне. Я сгорал от негодования, злости и какого-то особенного чувства упоения своим унижением, созерцая эти картины, и не мог оторваться от них; не мог не смотреть на них, не мог стереть их, не мог не вызывать их...

Не в сифилитическую больницу я свёл бы молодого человека, чтобы отбить у него охоту от женщин, но в душу к себе, посмотреть на тех дьяволов, которые раздирали её! Ведь ужасно было то, что я признавал за собой несомненное, полное право над её телом, как будто это было моё тело, и вместе с тем чувствовал, что владеть этим телом не могу, что оно не моё и что она может распорядиться им, как хочет, а хочет распорядиться им не так, как я хочу. И я ничего не мог сделать ни ему, ни ей. Он как Ванька-ключник перед виселицей споёт песенку о том, как в сахарные уста было поцеловано и прочее. И верх его. А с ней я ещё меньше могу что-нибудь сделать».

Здесь опять та же причина ревности: претензия на полное владение другим человеком, которая не может осуществиться в принципе, обрекая душу на страшные мучения. Право владеть телом жены, как своим, подтверждается законодательно, потому его нарушение при-

водит мужа в особенную ярость, но каков бы ни был писанный гражданский закон, в сердце каждого человека запечатлён неписанный закон свободы личного выбора, и он постоянно оказывается сильнее.

Приведённые нами выдержки из классических произведений художественной прозы, показывающие действие ревности на человеческую душу, прекрасно дополняются стихами на эту же тему Маяковского, где больше эмоций и яркости. Обладая уникальной поэтической одарённостью, Маяковский был наделён от природы свойством, которое можно назвать проклятием судьбы, – невероятной влюбчивостью. Оно в течение почти всей жизни делало его несчастнейшим человеком. Разумеется, из-за мук ревности. Кажется, лишь однажды в их череду возникла небольшая пауза, и свою радость по этому поводу он выразил такими строками:

*Я теперь свободен от любви и от плаката,
Шкурой ревности медведь лежит, когтит.
Хочешь убедиться, что земля поката?
Сядь на собственные ягодицы и катись!*

Будучи «специалистом по ревности», Маяковский ощущал её как нечто приходящее к нему извне, не органичное его собственной личной природе, и, не будучи глубоким философом, обвинял в ней Бога, желающего помучить человека. Особенное злорадство, как ему казалось, Бог испытывал, видя любовные страдания его, Маяковского.

«Вёрсты улиц взмахами шагов мну, куда я денусь, этот ад тая! И какому небесному Гофману выдумалась ты, проклятая?» И более подробно:

*Бог доволен,
Под небом в круче
Измученный человек одичал и вымер.
Бог потирает ладони ручек.
Думает Бог: погоди, Владимир!
Это ему, ему же,
чтоб не догадался, кто ты,
Выдумалось дать тебе настоящего мужа
И на рояль положить человечьи ноты.
Если вдруг подкрасться к двери спаленной,
Перекрестить над вами стёганье одеялово,
Знаю – запахнет шерстью паленой,
И серой издымится мясо дьявола.
А я вместо этого до утра раннего
В ужасе, что тебя любить увели,
Метался и крики, и строчки выгранивал,
Уже наполовину сумасшедший ювелир.
В карты б играть!
В вино выполоскать горло
сердцу изоханному.
Не надо тебя!
Не хочу!
Всё равно, я знаю, я скоро сдохну.
Если правда, что есть Ты,
Боже, Боже мой,*

*Если звёзд ковёр Тобою выткан,
Если этой боли, ежедневно множимой,
Тобою ниспослана, Господи, пытка,
Судейскую цепь надень.
Жди моего визита.
Я аккуратный,
Не замедлю ни на день.
Слушай, всевышний инквизитор!
Рот зажму, крик ни один им
не выпущу из искусанных губ я.
Привяжи меня к кометам, как к хвостам
лошадиным,
И вымчи, рвя о звёздные зубья.
Или вот что: когда душа моя выселится,
Выйдет на суд Твой,
выхмурясь тупенько,
Ты,
Млечный Путь перекинув виселицей,
Возьми и вздёрни меня, преступника.
Делай, что хочешь.
Хочешь, четвертуй.
Я сам тебе, праведный, руки вымою.
Только —
слышишь! —
убери проклятую ту,
Которую сделал моей любимой.*

Передавая чувство ревности с огромной художественной силой, Маяковский запутался в отношении её первоначала – то у него Бог, то серный запах. В познавательном смысле от него много не почерпнёшь. Распутывать этот клубок нужно нам самим.

Та составляющая половой любви, которая называется влюблённостью или любовной страстью, не может внушаться Богом. Бог не может насылать на человека мучения и, глядя, как он корчится, «потирать ручки». От Бога может исходить только тихая радость, мир и спокойствие. «Всякое даяние благо и всяк дар совершен свыше есть, сходяй от Тебе, Отца светов», – говорится в заамвонной молитве. А любовная страсть приносит постоянное беспокойство. И в то же время у влюблённых бывают моменты, когда они определённо ощущают соприкосновение с вечностью и, давая клятвы, что будут любить друг друга всегда, не лгут. Как же всё это увязать?

Объяснение тут может быть только одно: тот огромный, который открывается нам в любовном экстазе, вводит нас не в вечность, не в бессмертие, а приобщает к соответствующему ему огромному, но конечному отрезку времени, измеряемому, скажем, миллионом лет, который мы ошибочно принимаем за вечность. Кто же он, который ниже Бога, но много сильнее нас? Откуда у него такая власть над нами и чего он от нас хочет?

Часть 3

Па рубеже XIX и XX веков великий немецкий учёный Август Вейсман (1834–1914), по прямой профессии зоолог, совершил в науке о жизни «коперниканский переворот» – поменял местами два основных понятия этой отрасли знания. То, которое раньше было основным, он объявил второстепенным, а второстепенное стало у него центральным. Эти два понятия – особь и вид. В применении к нашему виду «хомо сапиенс» чаще говорят «род» («человеческий род»), и мы тоже будем отдавать этому слову предпочтение.

До Вейсмана центральным понятием биологии была особь, и понятно почему: это нечто материальное и конкретное, что можно видеть, осязать, фотографировать и так далее, а род невидим и неосязаем; это данная нам лишь в умозрении совокупность особей, включающая тех, что жили тысячи лет назад, и тех, которые через тысячи лет только родятся, так что ни один биолог их не видел и не увидит. Эту неопределённую совокупность даже и мыслью охватить невозможно. Но Вейсман, будучи натуралистом-наблюдателем, прекрасно знал, что природа сколько угодно жертвует особями ради сохранения вида. Ей особи нужны лишь как производители потомства, и когда отдельное животное прекращает выполнять эту функцию, природа его убирает. Трутни вскоре после брачного полёта с маткой изгоняются из улья и гибнут, паучиха съедает оплодотворившего её паука, треска, закончив метание икры, лишается жизненной силы и становится добычей многочисленных любителей рыбки. Значит, не в особи, а в роде весь смысл жизни как планетарного явления. А как же быть с нематериальностью рода? Вейсман чувствовал, что столь оберегаемая природой данность не может быть чисто умозрительной, и в поисках того, в чём она конкретно реализуется, пришёл к гениальной идее. Он разделил клетки живого организма на две категории – соматическую и зародышевую плазму. Соматические клетки – это те, из которых построен организм как физическое тело, и те, которые обеспечивают его функционирование (кровяные тельца, ферменты и так далее), а зародышевая плазма – это половые клетки, вырабатываемые организмом и до времени хранящиеся в нём, которые самому организму совершенно не нужны. Гениальность этой идеи состояла в том, что она оказалась пророчеством – уже через несколько десятилетий после смерти Вейсмана наука установила, что соматические и половые клетки принципиально различны не только по функциям, но даже и по структуре: первые обладают двойным набором хромосом, из-за чего называются диплоидными, а вторые – одинарным, и о них говорят, что они гаплоидны. Гаплоидные половые клетки по современной терминологии именуются гаметой. Произведя своё разграничение клеточного материала, Вейсман дал в переводе на современную терминологию следующее определение: жизнь есть воспроизводство гамет.

Если понимать слово «жизнь» в чисто биологическом смысле (а Вейсман понимал его именно так), это определение, озадачившее учёных сто лет назад, в свете данных сегодняшней науки представляется абсолютно верным. Сейчас можно понять, почему гаметы имеют для природы такую ценность: каждая из них содержит в себе в единственном экземпляре оригинал генома соответствующего вида животных, полное его описание, зашифрованное в кодах азотистых оснований колоссального полимера ДНК, представляющего собой линейное «слово» из миллиарда букв. Это не что иное, как материальная проекция того нематериального Слова, без которого «ничто не начало быть, что начало быть» (Ин. 1,3). Это – запись Слова Творца о вводимом Им в бытие виде живых существ, переданная исполнителям для реализации. Конечно же, эти исполнители берегут полученный чертёж как зеницу ока, ибо без него им нечего будет исполнять. Геном вида содержится и в соматических клетках (в двух экземплярах), но там это уже «ксерокс» с оригинала, ибо сома развивается из зародышевой клетки (зиготы), образующейся в результате слияния двух гамет.

Что же это за исполнители, о которых мы говорим, и не противоречит ли предположение об их существовании Священному Писанию? Не только не противоречит, но именно Священное Писание подсказывает нам, кто они такие. Это бесплотные разумные существа, созданные в «нулевой день» Творения. В Библии о них сказано следующее: «В начале сотворил Бог небо и землю» (Быт. 1, 1). Конечно, это не астрономическое небо, созданное лишь во второй день и названное «твердью», а ангельское небо, населённое «силами небесными». То, что их создание предшествовало основному творению, происходившему в последующие шесть дней, может означать только то, что они были нужны для этого творения в качестве помощников. Священное Писание почти ничего о них не сообщает, поскольку оно своей главной целью имеет содействие людскому спасению, а знание деталей ангельского жизнеустройства и функционирования никак не может быть полезным для нашего спасения, только отвлекая нас от него, разжигая наше праздное любопытство. Через Дионисия Ареопагита о них открыто нам лишь то, что они образуют иерархию из девяти чинов. И всё-таки кое-что о бесплотных силах нам известно. Мы знаем, что один из помощников Бога в деле сотворения мира, Денница, возгордился, решил, что может создать собственную вселенную, которая будет лучше Божьей, начал видеть в Боге соперника, возненавидел Его и вместе с третью всех ангельских сил, которую ему удалось подбить на это, поднял бунт, окончившийся, конечно, поражением и тем, что, отключившись от источника духовного здоровья, он деградировал в Сатану, а его приспешники – в разного калибра демонов. Знаем мы и то, что, изгнав Адама и Еву из Эдема, Господь поставил у входа туда ангела с мечом, чтобы они не могли вернуться.

Известно нам и то, что бесплотные служители Бога посылаются Им людям, чтобы принести какую-то весть. Странно было бы полагать, что Господь сотворил огромное количество бесплотных сил только для исполнения таких деликатных поручений. Конечно же, они служат Ему самыми разнообразными способами, что очевидно из Откровения Иоанна Богослова. К каждому человеку в самый момент его рождения приставляется ангел-хранитель, который и опекает его до смертного часа. Но если так, то совершенно естественно допустить, что такой же невидимый хранитель приставляется и к каждому роду.

Наш современник, митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл, предложил интерпретировать его как некое «охраняющее поле», однако надо понимать, что это не физическое поле, вроде магнитного, а разумное существо, обладающее собственной волей. А поскольку род материализуется в гаметах, это родовое «поле» становится хранителем гамет, или, по терминологии Вейсмана, зародышевой плазмы. Это, по сути дела, «бог любви» языческих культов. Он на самом деле существует, и ересь язычников состоит не в том, что они признают его существование, а в том, что они возводят этот низший дух в ранг божества. Ну а как такой страж должен относиться к особям введенного ему рода? Обладая, как и все существа, кроме одного Бога, ограниченным разумением, имея от Творца конкретное поручение и желая показать Ему своё рвение в исполнении этого поручения, ангел-хранитель рода не может смотреть на особь иначе, как на что-то второстепенное. Однако без особей не воспроизводилось бы то, что является предметом его хранения: гаметы не могут рождать новые гаметы, цикл их воспроизводства включает в себя фазу появления организма, через которую невозможно перескочить. Весь цикл таков: две гаметы образуют зиготу, из зиготы вырастает особь, в особи, почти целиком состоящей из соматических клеток, продуцируются новые гаметы, одна из которых потом сливается с гаметой другой особи противоположного пола, и всё повторяется заново. Особи в конце цикла умирают, а гаметы продолжают своё существование. Таким образом, с точки зрения стража гамет особь есть лишь корзиночка, в которой гаметы, за которые он отвечает, переносятся вперёд по оси времени, сама же эта корзиночка выбрасывается после использования. Суть этой позиции можно передать так: курица есть вспомогательное приспособление, позволяющее яйцу снести новое яйцо. Если вопрос «Что

было раньше – курица или яйцо?» остаётся всё ещё нерешённым, то на вопрос, что важнее, «природа», в лице своих родовых духов, с полной категоричностью отвечает: конечно, яйцо! Понимание того, что природа даёт именно такой ответ, и есть вейсманнизм.

Реальное, хотя и невещественное существование специализированных духов с особенной силой подчёркивается в архаических религиях, населяющих природу лешими, водяными, домовыми, Хозяйкой Медной горы и прочими малыми божествами, ответственными каждое за свой фрагмент земного бытия. Христианство, делающее акцент на единобожии и потому борющееся с язычеством, старается умалчивать об этих подчинённых Творцу «силах», чтобы они не обожествлялись, но, как мы только что видели, и оно признаёт их наличие у Бога.

Есть и другое, абсолютно внерелигиозное подтверждение их реальности, опирающееся только на наблюдения за фауной, особенно за общественными насекомыми. Жизнь улья невозможно считать суммой действий отдельных его обитателей, руководимых своими индивидуальными побуждениями, – ею явно управляет единая воля, ни во что не ставящая их собственные интересы и властно требующая от них одного: создания максимально благоприятных условий для непрерывного возобновления зародышевой плазмы. Эта тираническая воля заставляет рабочих пчёл выкармливать производящую женские гаметы матку, растаскивать в разные ячейки оплодотворённые и неоплодотворённые яйца (науке до сих пор неизвестно, как они различают их), чтобы из неоплодотворённых развились трутни с мужскими гаметами, поить оплодотворённую матку специальным молочком, превращая её в «машину, вырабатывающую яйца», и ото всего, что не содействует этой выработке, немедленно освобождать улей: выгонять из него сделавших своё дело трутней, обрекая их на гибель, а потом умирать самим, чтобы поменьше расходовать зимой запасённый мёд, оставляя минимум особей, которые весной включатся в новый цикл нескончаемого процесса. Собственная жизнь любой отдельной пчелы в улье, включая, конечно, и жизнь матки, ровно ничего не стоит, а лучше сказать, собственной жизни пчелы там вообще нет, а есть подчинение её «пчелиному богу», озабоченному только одним: сохранением генома. А возьмите муравьёв: их основное занятие – перетаскивать свои личинки из одного места в другое, убеждая их то от действия влажности, то от действия жары. Из этого видно, что они нужны муравейнику лишь в качестве подсобного персонала, выполняющего, подобно пчёлам, приказ своего «великого муравьиного царя».

Власть над особями бесплотного стража гамет, заставляющая их входить в родовую жизнь, то есть спариваться и размножаться, остаётся непререкаемой и у высших бессловесных тварей – у млекопитающих. Однако тут появляется нечто такое, что вряд ли присуще насекомым, – радость собственной индивидуальной жизни. Посмотрите на медвежат в зоопарке: они непрерывно насакивают друг на друга, делают вид, будто кусаются, хотя никогда сильно не сжимают челюсти, валят один другого на землю. Ключом бьёт из них радость, не имеющая никакой другой причины, кроме просто существования в этом мире. А как собака встречает вернувшегося с работы хозяина, «папу»: подпрыгивает, повизгивает, норовит лизнуть его в нос – это ли не признаки счастья! И оно никак не связано с родовой жизнью, оно рождается в этой индивидуальной собаке как её собственное достояние. Гений рода не отнимает у неё этого утешения, зная, что, когда придёт время течки, она будет работать только на него.

А теперь перейдём к человеку. Здесь всё кардинально меняется.

Существо, которым в шестой день Творения Господь увенчал созданное за предыдущие пять дней, – то есть мы с вами, – уникально. В нём имеется полноценная биологическая природа, подобная природе волка, оленя и других млекопитающих, но наряду с этим ему придано и другое подобие. Создавая Адама, Бог сказал: «Сотворим человека по образу Нашему, по подобию Нашему» (Быт. 1, 26). В каком смысле надо понимать наше богоподобие

бие? Не в телесном, разумеется, – Бог не имеет никакого тела, Он есть чистый Дух. Учили православной церкви трактуют богоподобие как трёхчастное устройство человеческой души по подобию Божественной Троицы (отсюда множественное число: по Нашему подобию). Творец дал человеку огромную по сравнению с высшими животными меру личной свободы, то есть воли, и по этому признаку человек подобен Богу Отцу, олицетворяющему в Троице волевое начало. Создав человека из праха земного, Бог «вдунул в лице его дыхание жизни» (Быт. 2, 7), и благодаря этому человек обрёл подобие Богу Святому Духу, именуемому «животворящим» и «жизни подателем». Наконец, мы получили свыше дар речи и по этому признаку стали подобными Богу Сыну, Который есть также Бог Слово.

Ясно, что такое всестороннее богоподобие никак не может быть связано с нашей животной природой, наделяющей нас скотоподобием и звероподобием. Бог, отражённый в нашей душе, не вырастает из физиологической «почвы» нашего тела, не является её потянувшимся вверх ростком; наше богоподобие – совсем другое растение, не цветы, распутившиеся на нашем скотоподобии, а искусственно привитая к нему Богом культура, совершенно ему чуждая. Творец пытается с помощью этой прививки сделать из нас двухприродное существо, телом пребывающее на земле, а духом – на небесах. Бог поставил в нас рядом две несовместимые данности, и возникает впечатление, будто Он испытывает нас: сможем ли мы добиться их бесконфликтного сосуществования, и хочет, чтобы мы его добились. Но сделать это нам чрезвычайно трудно. Конечно, Творец знает об этом – Он ведь сам сказал: «Царствие Моё не от мира сего», а человек призван соединить сей мир и Его Царство. Возможно, в таком соединении и состояла цель сотворения мира с человеком на вершине, но так это или не так, одно можно сказать с уверенностью: это сшивание несшиваемого – главная проблема людской экзистенции.

«Я червь, я Бог», – говорит Державин. И Бог в моём «я» чувствует себя оскорблённым, видя находящегося рядом с ним «червя», и испытывает к нему отвращение. Владимир Соловьёв предложил интересное философское осмысление этой ситуации. Он выделил в человеческой душе три базовых чувства, на смешении которых в разных пропорциях строится вся наша эмоциональная сторона жизни. Первое из них – чувство стыда в отношении низшего в себе, своих животных побуждений. Второе – чувство сострадания к боли, возникающей в жизни равного себе, то есть ближнего. Третье – чувство благоговения к более высокому, чем высшее в нём самом, чувство святости и преклонение перед ней. Если хотя бы одного из этих чувств нет, человек перестаёт быть человеком.

Посмотрим, как развивает наш «философ любви» свою теорию дальше. Он считает, что в наиболее яркой форме чувство стыда проявляется в отношении вхождения в родовую жизнь, то есть полового акта. Вот что он писал по этому поводу: «Для человека, как животного, совершенно естественно неограниченное удовлетворение своей половой потребности посредством известного физиологического действия, но человек, как существо нравственное, находит это действие противным своей высшей природе и стыдится его».

Верно ли это? Безусловно верно, но совершенно недостаточно для понимания сути дела.

Да, все народы мира, даже «дикари», как выражается Соловьёв, стыдились и стыдятся «известного физиологического действия»: живя даже в очень жарких странах, прикрывают детородные органы одеждой и никогда не совершают полового акта публично. Это действительно чисто человеческая особенность – бессловесные твари, включая самых высокоразвитых, абсолютно его не стыдятся. Но истолкование этого стыда как инстинктивного стремления человека отмежеваться от своей животной природы и стать выше её ошибочно.

Если бы мы стыдились всего, в чём обнаруживается наша общая с животными природа, мы стыдились бы и процесса поедания пищи. Но тут мы не проявляем ни малейшей стеснительности, наоборот, любим коллективную трапезу, где приходится публично чавкать и тре-

щать разгрызаемыми косточками. Ничего неприличного не видим мы в том, чтобы громко сказать: «Я голоден как волк!» Толстой в этом вопросе оказался более тонким аналитиком и уловил то различие, которого не почувствовал Соловьёв. Возражая поборникам «свободной любви» и либерализации брака, он писал: «Вы говорите – естественно. Естественно есть. И есть радостно, приятно и не стыдно с самого начала; здесь же мерзко и стыдно и больно».

Толстым найдено очень точное слово «мерзко». Но к нему надо добавить и другое слово, ещё точнее выражающее отношение неиспорченного, неразвращённого человека к родовой жизни, – страшно. О предстоящем вхождении в эту жизнь целомудренная душа думает со страхом и тревогой.

В романе «Жизнь» Мопассан рассказывает, как отец пытается помочь дочери преодолеть страх к физиологии брака и не находит никаких аргументов, кроме того, что надо принять это как неизбежное:

«Толубка моя, я должен взять на себя обязанность, которую больше подобало бы выполнить маме, но она отказывается... Но если девушки пребывают в полном неведении, их нередко оскорбляет грубая действительность. Страдая не только душевно, но и телесно, они отказывают супругу в том, что законом человеческим и законом природы признаётся за ним как безоговорочное право. Больше я ничего не могу сказать тебе, родная, одно только помни твёрдо: вся ты всецело принадлежишь мужу.»

Что она знала на самом деле? Что подозревала? Она стала дрожать, гнетущая, мучительная тоска наваливалась на неё, точно страшное предчувствие».

Нет, стыд – слишком слабое ощущение в сравнении с тем, которое охватывает душу ребёнка, когда он узнаёт, какими гадостями занимались его мама и папа, чтобы он появился на свет, и что этими гадостями занимается вокруг всё живое. Это уже не стыд, а шок. Вот отрывок из рассказа Алексея Николаевича Толстого «Мечтатель»: «Поле, поросшее густой полынью; вдалеке идут две бабы и мужик. Шли, шли, сели у канавы. Посидели и легли, смеются. У Аггея стучит сердце, он спрятался за кустиком полыни и видит, как две бабы, в красных чулках, ноги поднялись над травой. А вот Аггей идёт с лопаткой мимо скотного двора; заскрипели ворота, с мычанием выходит стадо, а посреди него верхом на ком-то – рогатый головастый бык с багровыми глазами. Аггей глядит и чувствует, что это что-то страшное. Бросает лопатку и по глубокому снегу идёт в поле, где занесённый сугробом плугарский домик на колёсах. Аггей становится в домике на колени и молит Бога дать ему силы пережить виденный ужас, касается горящим лицом снега. И Бог даёт ему силы. А весной он опять, присев, рассматривает двух жучков, прильнувших друг к другу, палочкой перевёртывает их на спины и вдруг, с застывшей улыбкой, гневно топчет их ногами».

Прибавлю к этому и свои собственные детские воспоминания.

Гуляя ранней весной около дома, я увидел никогда не виденную прежде зернистую желеобразную массу. Это была лягушачья икра, но тогда я этого не знал и для меня это было что-то загадочное. И, как сейчас помню, на меня нашёл страх. Своим младенческим сознанием, которому Господь открывает то, что утаивает от мудрых и разумных, я прозрел в этой студенистой зелёной полупрозрачной субстанции нечто такое, что угрожает непосредственно мне, моему внутреннему миру, моим романтическим мечтам о высоких идеалах; что эта мерзость конкурирует со мной, хочет отменить, упразднить моё «я». А совсем недавно я посмотрел американский фильм-страшилку, где занесённые какими-то инопланетянами агрессивные лианы, растущие с невероятной быстротой, оплетают дома, душат находящихся в них людей, и таким образом вся наша утончённая цивилизация оказывается на грани того, чтобы исчезнуть, уступив место неограниченному размножению примитивных растений; именно такую опасность, относящуюся лично ко мне, я, ребёнком, угадал в омерзительной зародышевой плазме, которая говорила мне: «Я – главное в природе!» Так, ничего не зная о Вейсмане, я ощутил правоту вейсманизма.

Часть 4

Дарвинизм, кажется, окончательно начинает выходить сегодня из моды, и не только верующие люди, всегда относившиеся к нему скептически, но и многие учёные всё чаще говорят, что никакой эволюции в живой природе не было. Это неверно. Если понимать эволюцию как появление в определённые моменты новых видов, то она была, и о ней как раз и повествует Шестоднев. Однако эта «эволюция» шла не как естественный отбор, который может создать лишь породы и разновидности, но принципиально не способен привести к возникновению нового вида, тем более семейства или отряда, а по воле Творца, с самого начала имевшего замысел в её отношении, который и реализовался в Шестодневе.

Создав определённую биосистему, Творец выжидал, когда она подготовит условия, в которых могла бы существовать уже и более совершенная, и произносил своё «Да будет!». Соединяя информацию, содержащуюся в библейском Откровении с данными современной науки, ныне мы можем почти достоверно выделить три крупных этапа этой осуществляемой Богом эволюции.

На первом этапе Господь создал саму основу, на которой можно было бы укоренять все будущие формы жизни, – механизм воспроизведения генома в череде гибнущих и нарождающихся отдельных организмов. Этот механизм был запущен, естественно, на организмах самых простеньких – на сине-зелёных водорослях, морской траве. В Библии так сказано: «И сказал Бог: да произрастит земля зелень, траву сеющую семя по роду и подобию её» (Быт. 1, 11). Это был третий день Творения.

Хотя «травы» интересовала Творца меньше, чем проходящая на ней проверку идея передачи генетической информации с помощью ДНК, Творец всё же нагрузил её делом, необходимым для дальнейшего. В то время, когда появились сине-зелёные водоросли и подобные им другие одноклеточные, – а это было около полутора миллиардов лет тому назад, – земная атмосфера ещё не содержала кислорода, зато была сильно насыщена водяными парами и являлась совершенно непрозрачной для световых лучей, как это мы видим на Венере. Если бы мы переместились туда на машине времени, мы не увидели бы над головой ни звёзд, ни Луны, ни даже Солнца. Понятно, что тогдашняя примитивная жизнь была анаэробной, то есть не нуждающейся в кислороде. Её обмен веществ был устроен так, что она не потребляла кислород, а, наоборот, выделяла его. Делая это в течение сотен миллионов лет, она наконец изменила состав атмосферы – в ней появился кислород, а пары значительно уменьшили свою концентрацию, небо стало прозрачным, и на нём появились светила. Это тоже отмечено в Библии: «И сказал Бог: да будут светила на тверди небесной для освещения Земли и для отделения дня от ночи, и для знамений, и времён, и дней, и годов; и да будут они светильниками на тверди небесной, чтобы светить на землю. И стало так» (Быт. 1, 14). Это был четвёртый день Творения.

На втором этапе конвейер воспроизведения зародышевой плазмы был модифицирован и приобрёл свой окончательный вид, сохраняющийся и поныне. Промежуточным звеном, связывающим старые и новые гаметы, стали два пола, каждый из которых вырабатывает свой тип гамет. Эти особи были гораздо более сложно устроенными и обрели некую самостоятельную ценность. Какую же? Во-первых, состоящий из этих сложных и разнообразных животных второй биоценоз был красивым, следовательно, приятным Богу, отказать которому в эстетическом чувстве может лишь слепец, не видящий, что сотворённый Им мир наполнен красотой, на 99 процентов не имеющей никакой практической пользы. Этой божественной эстетикой второго этапа естественной истории мы любуемся и сегодня, листая страницы альбомов, изображающих динозавров, и просматривая анимационные фильмы, где компьютер заставляет их двигаться.

Вторая экосистема была усовершенствованной и в том ещё смысле, что приобрела пирамидальный характер и в качестве вершины увенчалась ящерами, покорившими все три стихии – сушу, воду и воздух. «И сказал Бог: да произведёт вода пресмыкающихся, душу живую; и птицы да полетят над землею по тверди небесной. И стало так. И сотворил Бог рыб больших и всякую душу животных пресмыкающихся, которых произвела вода по роду их, и всякую птицу пернатую по роду её. И увидел Бог, что это хорошо. И благословил их Бог, говоря: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте воды в морях, и птицы да размножаются на земле. И был вечер, и было утро: день пятый» (Быт. 1, 20–23).

Ещё одно новое и важное обстоятельство заключалось в том, что со второй биосистемой в мир вошла индивидуальная свобода тварей, а значит, и неразрывно связанная с ней радость жизни. Бог, один только обладающий абсолютной свободой, не подчинённый никакой необходимости, наложив на поведение птиц и рептилий весьма жёсткие законы, всё же, в рамках очерченной этими законами необходимости, поделился с ними частичкой этого своего атрибута, что подчёркивается библейским выражением «сотворил Бог всякую душу животных» – душа ведь не может быть марионеткой, в ней есть собственные желания и право выбора. Эта частичная свобода ограничивалась у них сферой действия.

Сотворение человека ввело эволюцию в третью стадию. Получив от Бога дар слова, человек получил вместе с ним способность мыслить, а с нею и колоссальную по сравнению с самыми высокоразвитыми бессловесными существами степень свободы, ибо мысль, в отличие от действия, почти невозможно ограничить. И свободная человеческая мысль очень быстро поставила своей целью отыскать то, что ей представлялось более ценным, чем биологическая радость жизни, – смысл жизни.

А императив выращивания и передачи дальше гамет, тем не менее, не отменялся, и родовой дух, чьи полномочия Творцом не отзывались и не урезывались, по-прежнему продолжал считать всякого мужчину и всякую женщину всего лишь корзиночками для переноса зародышевой плазмы. Однако в индивидуальном сознании, а ещё больше в подсознании людей возникла догадка, что этот процесс для них лично лишён всякого смысла и, более того, является для них унижительным. Я рожу детей и умру, мои дети родят детей и тоже умрут, их дети родят своих детей и умрут, и так далее, как в сказке про белого бычка или о попе и его собаке. Эта дурная бесконечность нагоняет тоску и безысходность. Самое ужасное состоит здесь в том, что вейсмановский молох требует от нас приносить ему в жертву самое для нас дорогое – наше неповторимое «я», а интуиция подсказывает нам, что оно для Бога ценнее рода. Так оно и есть, и самое краткое и убедительное доказательство этому дал русский социолог и философ XIX века. Н.Я.Данилевский: индивидуальная душа может войти в вечность, а род туда не войдёт.

Так на уровне венца Творения возникает не свойственная никаким другим существам болезненная внутренняя антиномия: особь и род становятся врагами. Их неизбежное столкновение впервые происходит в молодости, в «брачном возрасте». Юноша или девушка учились, посещали разные кружки и секции, увлекались авиамоделированием или шахматами, запоем читали книжки о путешествиях, сами мечтали путешествовать, увидеть огромный мир, совершать подвиги во имя своей Отчизны, делать научные открытия – в общем, жить интересной, полноценной духовной жизнью. И именно на пороге этой взрослой, самостоятельной жизни, от возможностей которой захватывает дух, к ним является родовой страж и требует дани. Конечно, он старался исподволь подготовить их к принесению ему жертвы, вызывая в них тайное любопытство к половой сфере, иногда преодолевающее страх и брезгливость, но это лишь ослабляло кризис брачного возраста, не устраняя его совсем.

Если бы, получив этот императив, мы честно увидели в нём то, что он есть на самом деле, нас охватил бы ещё больший ужас, чем маленького Агтея, ибо необходимость отвратительного совокупления непосредственно его по малости лет не касалась, и он наблюдал

тиранию вейсмановского молоха лишь со стороны, а тут этот молох вторгается в нашу жизнь и направляет её совсем не в то русло, какого нам хотелось. И этот ужас мы, возможно, не смогли бы вынести. Но нас спасает наша удивительная способность обманывать самих себя, облагораживать причину наших действий. Это свойство чрезвычайно характерно для человека, и оно раскрыто в реалистической художественной литературе. Достаточно вспомнить того же Толстого: Каренин отказывает Анне в разводе из желания отомстить ей за измену, но оправдывает своё решение тем, что оно подсказано ему ясновидцем.

Ни в чём человек не проявляет такой изобретательности, как в подмене низменной причины своих поступков возвышенной, а навязанной извне – будто бы добровольной. И человек, прижатый к стене духом рода, совершает такую подмену – он влюбляется. Это гениальное решение, убивающее сразу двух зайцев. Прежде всего им уничтожается то, что больше всего неприемлемо для человека в родовом императиве, – обезличивание, растворение его единственного и неповторимого «я» в каком-то неопределённом потоке, несущем на себе сменяющиеся поколения. Теперь уже нет пугающей безликости – род персонифицируется в предмете влюблённости, и вхождение в него становится безболезненным. Отсюда вытекает и другая выгода: раз найдена приемлемая форма капитуляции перед дурной бесконечностью, значит, эту капитуляцию можно подать самому себе как добровольную, то есть не ущемляющую самолюбия и чувства собственного достоинства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.